



Глава I

Страшная свадьба

Не знаешь поутру, что будет ввечеру

Народная поговорка

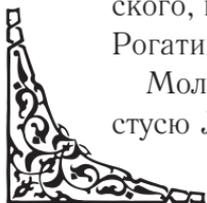
1

Был знойный летний вечер 1518 года.

Золотое дневное светило неторопливо скатывалось в самый большой пруд на Подолье, а тот, полный сверкающего света, ласково шелестел мягкими волнами. Вода, словно царица, готовилась отойти ко сну на своем мягком пурпурном ложе. За прудом виднелись темные рвы и белые стены Рогатина и гладкая лента тихой речки Липы.

В этот час из-за синеющей полосы леса на пустынной дороге, ведущей из Львова в Рогатин, показались четыре телеги. В них ехали свадебные гости — старый Дропан, львовский купец, направлялся с семьей в Рогатин женить единственного сына Степана на дочери отца Луки Лисовского, настоятеля церкви Святого Духа, что в предместье Рогатина.

Молодой Степан Дропан, уже два года влюбленный в Настусю Лисовскую, не помнил себя от счастья. Большую





часть пути он шел впереди свадебного поезда, а остальные над ним добродушно посмеивались: хоть так, хоть этак, а раньше срока на месте не будешь.

— Не спеши, сынок: не знаешь поутру, что будет вечером, — напоминал отец, перенявший эту поговорку от свата, отца Настуси, — тот время от времени наезжал во Львов к брату, священнику при церкви Святого Юра. Но Степан то опережал телеги, то далеко отставал, чтобы никто не мешал ему предаваться мечтам о счастье. И не слышал и не видел ничего вокруг, кроме своей милой, хоть и не было ее здесь. Не замечал он ни синеватого наряда шалфея, ни яркого горицвета в тени дубрав, через которые он проходил, ни золотистого сумрака березовых рощ, ни пахучей мяты, ни вьющихся плетей ломоноса, ни желто-красных колонн коровяка, ни сныти, ни копытня-стародуба, хоть и шел прямо по ним.

— Для него нынче папоротник цветет... — подшучивая, говорили о парне свадебные гости.

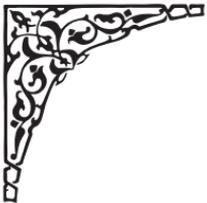
А в его сердце цвела и благоухала любовь.

Снова и снова Степан возвращался в мыслях к тому, как все начиналось и как он впервые увидел Настусю на подворье церкви Святого Юра во Львове. С тех пор жизнь для него слилась в сплошную полосу света, запахов, музыки — и борьбы. Отцу не пришлось по душе его намерение жениться на поповне. Он давно держал на примете для Степана дочку своего торгового компаньона. Да и семья Настуси, принадлежавшая к старинному роду священнослужителей, косо поглядывала на ее замужество с сыном «торгаша». Им нравилась его зажиточность, а вот то, что «лавочник», — претило. Но в конце концов кое-как все сладилось.

Какой же долгой показалась жениху дорога в город, что уже виднелся вдали, к небольшому дому на берегу тихой Липы, рядом с церквушкой Святого Духа!



2



А там их уже ждали, все было готово к свадьбе. Съехались гости со стороны невесты, на подворье стоял шум молодых и старых голосов.

Брат хозяина, отец Иоанн Лисовский, дольше всех противился свадьбе Настуси со Степаном. А причиной тому была долгая судебная тяжба между церковью Святого Юра и семейством Дропанов из-за какой-то земли, и отец Иоанн таил обиду на старого Дропана. Вот и теперь он поспешил выехать из Львова как можно раньше, лишь бы не тащиться бок о бок с «безбожным торгашом», который вздумал судиться с домом Божиим. А помимо того, учинил он еще одну демонстрацию. Ему хотелось присутствовать на венчании племянницы, но он не мог допустить, чтобы Дропан стал чваниться тем, что он, отец Иоанн, специально явился в Рогатин ради этой свадьбы. Оттого и подыскал в канцелярии львовского владыки кое-какие дела, требовавшие его присутствия в Каменце-на-Подолье, чтоб якобы случайно, по дороге, завернуть на свадьбу племянницы. Слух об этом был заранее пущен во Львове.

Теперь он сидел в саду приходского дома за деревянным столом в тени лип вместе с братом и отцом Феодосием, игуменом ближнего монастыря василиан, что на Чернечей горе. Перед ними стояли три глиняных горшочка, кувшин кислого молока, лежали хлеб и масло.

— Ешь и повествуй, что нового слышно, — обратился к нему отец Лука.

— Не знаю, с чего и начать, — печально отозвался отец Иоанн.

— С дел нашей церкви, — степенно подал голос отец Феодосий.

— Само собой, — отвечал отец Иоанн.





Потянулся, взял ломоть ржаного хлеба, намазал маслом и, снова положив его на деревянную тарель, начал:

— Святую нашу церковь вконец разорили и одолели иерархи-латиняне, а теперь еще и властвуют над нею. — Потом не сдержался, добавил: — А наши торгошники грабят ее и со своей стороны.

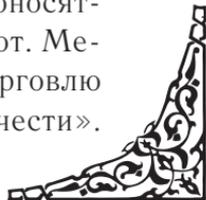
— Но и врата адавы не одолеют ее, — набожно заметил игумен Феодосий.

— Так-то оно так, — возразил отец Иоанн, — да только что ни день, все труднее становится дышать. Гордость, лихоимство, разврат, обжорство и пьянство — все без исключения грехи тяжкие видим мы среди чужих. А ведь они правят нашей церковью. И Господь все не выведет ее из-под чужого ярма!..

Львовский священник горько усмехнулся. На это отец Феодосий сказал:

— Так ведь и мы не без грехов. А в особенности губит нас один грех, главный, — лень. Из-за нее нам столь тяжкое искупление. Повидал я свет и разных людей, бывал в Иерусалиме, в Антиохии и на Святой Горе Афонской, но нигде не видал, чтобы так редко брались за книгу, как у нас. Оттого и не научены мы оборонять свою церковь от вражьи посягательств!

— Ты все о своем, отче игумен, — заметил отец Лука. — А я уж тебе не раз говорил и теперь скажу: оно, может, и так, да не совсем. Где же эти книги людям добыть? И за что купить, а? За что? А еще и женатому священнику, да при нынешней дороговизне! Церковные земли присвоили старосты и ксендзы. Татарские набеги вздохнуть не дают. И это никого не печалит! Дивно, что в это лето их здесь еще не было. Но слухи уже доносятся. Крестьяне вконец обнищали и дальше нищают. Мещанство тоже, потому что шляхта взяла всю торговлю в свои руки, хоть и кричит, что это ей «не по чести».





А наших священников тут и там на панцину гоняют! Какие уж тут книги?!

Воцарилось тягостное молчание. Отца Иоанна, которому предстояла дорога в Каменец, встревожила весть о надвигающейся опасности. Однако он тотчас успокоился, подумав, что брат, если узнает что худое, непременно сообщит ему об этом перед отъездом.

А отец Лука, переведя дух, продолжал:

— Вот взять, к примеру, меня. Говорят — выдаю дочь за богача. Но ведь и голой ее отпустить не позволю себе. А во что обойдется мне эта свадьба? Один локоть атласа нынче по двадцать грошей, а фаландаша — все тридцать пять. И во что ее одеть? За какие деньги?

Он умолк на мгновение, а затем продолжил, ибо нечего ему было таить от брата и приятеля-игумена:

— А сама свадьба! Какая-то жалкая щука — два гроша, карп — и того больше, гарнец вина — сорок грошей, фунт шафрана — семьдесят, голова сахару — сто пятьдесят, а перец — и все триста. А где байберка¹ шелковая, где кафтаны парчовые? А киндяк² хлопчатый вышитый да чинкаторы³ златотканые? Ведь и сам я, и жена моя должны выглядеть завтра не хуже людей! Вы, отче игумен, одну рясу имеете, так что вас все это не заботит!

— Ты что-то разболтался, как торгаш, — заметил брат. — Уж больно быстро сказалось на тебе новое родство!

— Прошу прощения, — смутился отец Лука. — Но если б вам жена целый месяц только о том и толковала,

¹ Байберка — дорогая шелковая ткань из крученой шелковой нити с добавлением золотой пряжи. (Здесь и далее — прим. переводчика, если не указано иное.)

² Киндяк — плотная хлопчатобумажная ткань.

³ Чинкатор — шелковый пояс, вытканый золотым узором.

